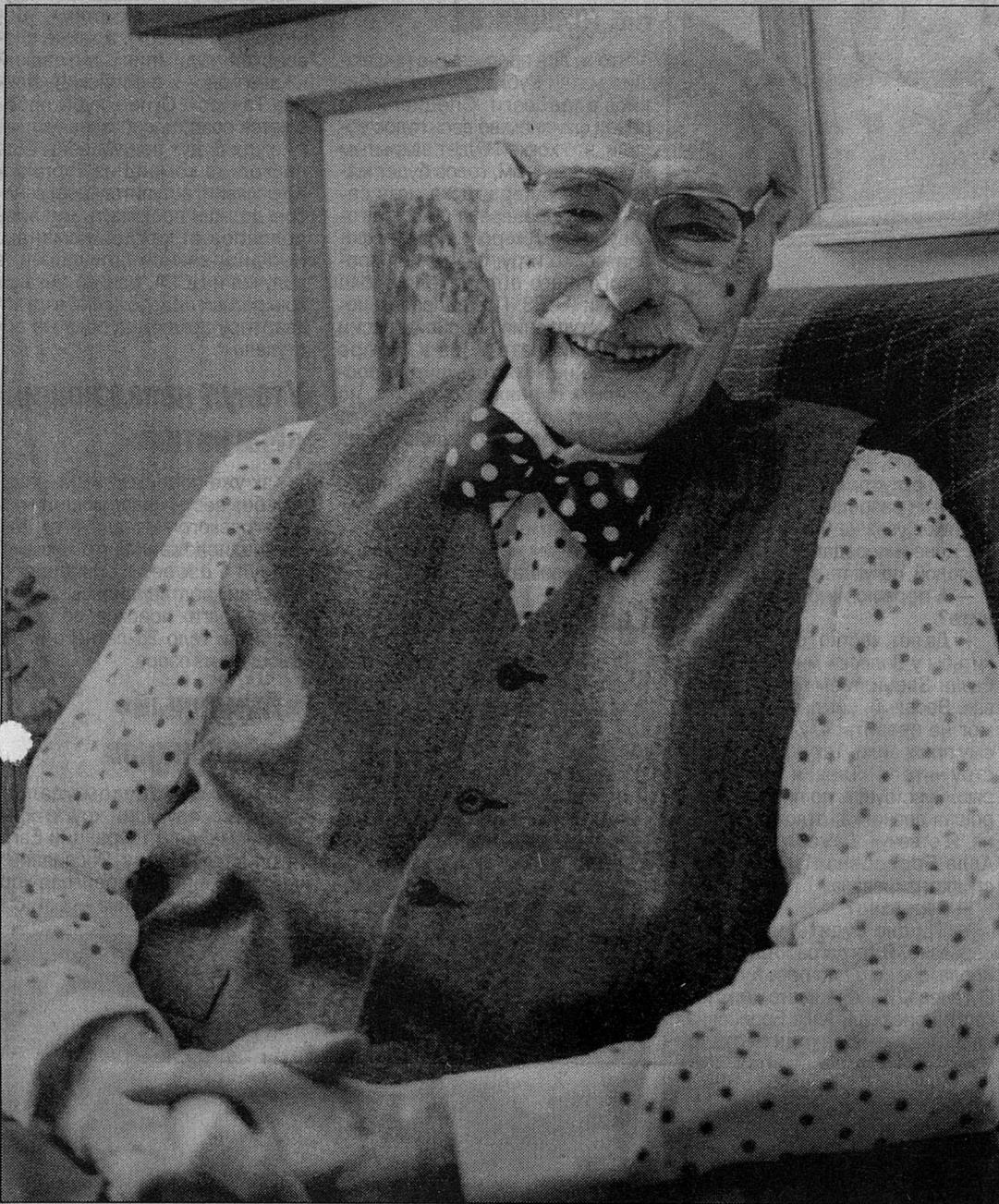

Век. Москва. — 2000. — 1

106 лет искушений

Каждый день Игорь Зиновьев начинает стоя на голове

— Нет-нет, спасибо. Завтра не могу. Занят. Но рюмочку рома за вас выпью. Подумаешь, разговор! Занят... Рюмочка... Но человеку-то не двадцать, не сорок, не семьдесят даже. 106 ему. Пожил в XIX веке, весь двадцатый с его войнами и революциями промахнул. И в двадцать первое столетие шагнул уверенно.

БИОГРАФИЯ

Светлана БУДАРЦЕВА

Рассказывать жизнь Игоря Константиновича Зиновьева — дело неблагодарное. Можно ли уместить ее в газетном материале, такую долгую насыщенную? Да и сам Игорь Константинович не склонен систематизировать события в биографический очерк. Наша беседа скачет с эпизода на эпизод, нарушая хронологию, смешивая личные впечатления и громкие имена. Зиновьев — художник. Может быть, потому и со словами обращается, как с красками.

Каждый отрезок времени — самостоятельная картина. Для каждой свое освещение, своя рама, свой интерьер.

Мой первый театр

Кого только в доме у нас не бывало. Отец — редактор журнала «Кулисы». Само собой, и круг его общения — писатели, художники, актеры. Для меня они вовсе не знаменитости. Просто хорошие дяди и тети, которые не только с папой умные беседы ведут, но и со мной, как со взрослым, разговарива-

ют. Вот, например, Василий Дмитриевич Поленов обратил внимание, что я часто в детской лежа на полу рисую. И вот как-то перед днем папиного рождения он мне и говорит: «Давай-ка сделаем с тобой театр». Нарезали из картона фигуры разные, разрисовали, декорации придумали. Я выучил пушкинский «Золотой петушок» и представил гостям спектакль. Один во всех лицах. Большой успех имел. Может, отсюда у меня и пошло это необычное сочетание. Я и актер, и художник. В двадцатом году поступил в школу Малого театра. Тогда это заведение называлось Высшими театральными мастерскими. Учился всему: постановка голоса, дикция, фехтование, пластика, психология, костюм.

Купил яхту и поехал в Корею

В 24-м окончил курсы, и меня хотели оставить в Малом. Но я был молодой, темпераментный. Мне хотелось чего-то необычного. На Неглинной, бли-

же к «Метрополю», — Малый театр. Рядом гостиница «Европейская» (ее сейчас нет — сломали). Ресторан. Там в бельэтаже собирались антрепренеры из больших провинциальных театров. Приглашали в свои труппы молодых, интересных актеров. Так я с труппой Корша объехал всю Сибирь, Дальний Восток. Я даже яхту там купил и поехал в Корею. На день рождения к Олегу Бринеру. Я с ним был хорошо знаком через его жену — актрису МХАТа Корнакову. По дороге попал в жуткий шторм. Незабываемое ощущение! Вообще отсюда я привез массу впечатлений. До сих пор помню знаменитого пирата, его шхуну с пулеметами. Он занимался контрабандой пантов пятнистых оленей. Тогда модно было. В те времена китайцы переходили границу как угодно, и заказать им можно было все что угодно. Только скажи — завтра принесут.

В провинции я был король. Как играл? Администраторы приходили, говорили: «Что ты делаешь — народ плачет, валерьянки не хватает». Я очень темпераментный был. За все брался. В Харькове я целиком поставил спектакль. И режиссерская работа моя была, и актерская, и декорации мои.

Перед войной — это я уже про Великую Отечественную — окончил живописно-театральный факультет, сделал выставку своих работ и был принят в Союз художников. Занимался театральными постановками в Театре сатиры, в Камерном, в Театре Мочалова.

Две копейки — экономия

Я спортсмен. Не профи, конечно. Но всегда любил, например, верховую езду. В Гражданскую даже кавалеристом был. Но это неинтересно. Рассказывать об этом не хочу. Автомобиль у меня появился в 14-м году. «Опель». В Москве тогда даже консул американский еще в конном экипаже ездил. Белые лошади, подстриженные холки, впереди кучер — тоже в белом. Они всегда в Столешниковом останавливались, у винного магазина. И я там парковался на своем «Опеле». Машину я мог содержать. Безумных цен как сейчас не было. Вот, например, на Остоженке существовала специальная контора, через которую можно было арендовать квартиру. Самая маленькая и дешевая — 3 рубля в месяц. Для сравнения, водка с белой головкой (лучшей очистки) стоила 20 копеек. С красной — 18. Все покупали с красной головкой. 2 копейки — экономия.

А автомобили у меня были всегда. Последний — «Волга» двадцать первая. Еще лет десять назад ездил.

Три мои главные в жизни страсти — спорт, работа и театр. Раньше ведь в театр ходили не так, как сейчас, на бегу. И

смотрели не просто спектакль, а работу актеров, режиссеров, трактовку. Остужев в роли Мортимера. Мы задыхались от восторга. Он становится на колени, и чувствуешь, что человек обалдел от женщины. Роль — эпизод. В Художественном театре я даже его не заметил. А Остужев в Малом — это явление.

Я — не аскет

Впрочем, в жизни, как в театре. Вот Николай Второй, царь наш последний. Я его видел, как вас. Очаровательный человек, но типичный «гнилой» интеллигент. Говорят, «военная косточка» — подумаешь... У меня до сих пор военная выправка — ну и что? Раньше вы никогда не увидели бы брюхатого полковника с расстегнутым воротом.

Я и сейчас не могу ходить даже по дому, когда никто не видит, в шлепанцах и пижаме. Так воспитан. Просыпаюсь в шесть утра. Делаю гимнастику, несколько минут стою на голове (по системе Йогов), принимаю душ ежедневно. И ем всегда в одно время. И лекарем стараюсь не принимать, не травить себя химией. Каждый человек, можно сказать, богоподобный. Все дано. Иным чуть больше — тогда это гений или экстрасенс. У меня тоже есть кое-какие способности. Я, например, могу успокоить собственное сердце, снять головную боль. Я в ладах с Луной, с планетами, в гармонии с природой. Знаю немножко тибетскую медицину. Но это вовсе

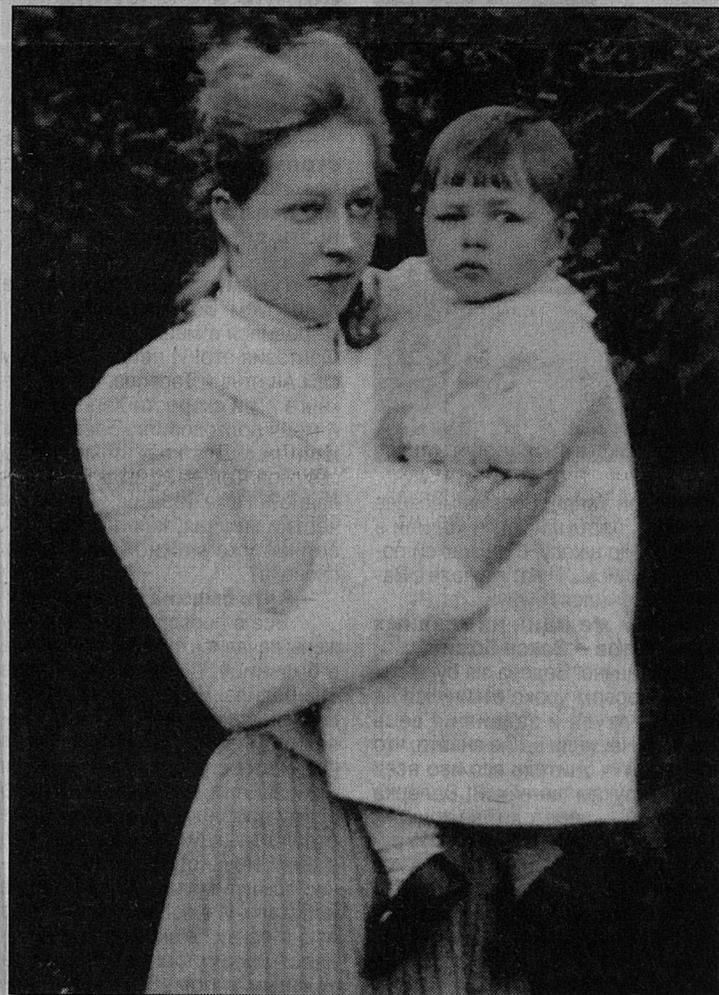
не означает, что я аскет. Всегда вел светскую жизнь. Выпивал много, но никогда не напивался, поскольку употреблял только хорошие напитки, а не какой-то суррогат. Пьяный мужчина — это неуважение к себе. Мои родственники и друзья знают мой вкус. Внучатая племянница подарила мне настоящий ямайский ром на день рождения. Аромат сказочный.

Красавицы и умницы

Я никогда не был женат, хотя женщины всегда играли большую роль в моей жизни. Это не значит, что я менял подруг, как перчатки. Были и длительные романы, и короткие влюбленности, но ко всем своим женщинам относился с большим уважением. Первую свою и последнюю помню особенно ярко. Красавицы были и... умницы.

Мне с ними было интересно, хотя ни с одной вместе в одной квартире я никогда не жил. И они никогда не предъявляли на меня права. Знали, что работа в моей жизни занимает главное место, что для семьи, детей времени у меня нет. Я ведь всегда был занят ужасно, а дети — это слишком серьезно, слишком ответственно.

Но женщины. ЖЕНЩИНЫ... Самое красивое, что есть на земле. И мудрое. Была у меня Риточка — Маргарита Вальдемаровна. Чудный человек. Хорошо образована, начитанна, музыку великолепно знала, театр. Она работала со мной, как архитектор и конструктор. Я ведь многие годы занимался дизайном. Планетарий, Музей истории и реконструкции Москвы, многие павильоны ВДНХ — это мои дети. Я прожил красивую жизнь, много повидал. Ужасных дней не помню. А вот красивые женщины, приключения, упоение работой и вдохновение — это всегда со мной.

Это я с мамой. 1895